

КРАСНОАРМЕЕЦ

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ Р В С Р

Мы сильнее, чем были.

Наш отход от Варшавы вражеская печать, т.-е. буржуазная пресса всего мира, изобразила, как наш полный разгром. Чем больше международные эксплуататоры были напуганы могучим маршем красных полков на Варшаву и Львов, тем громче, тем пронзительнее они завывали от радости, когда до них дошли первые слухи о нашей неудаче. Еще резче та перемена, которая произошла с буржуазно-шляхетской кликой Польши. От паники и растерянности, от воплей и молений угнетатели польского народа перешли сразу к подлему объяснению достигнутыми успехами. Польские газеты снова вспомнили о границе 1772 года, польская делегация в Минске попыталась заговорить языком победителей, как в те дни, когда Пилсудский и его министр Патеке приказывали Советскому правительству прислать свою делегацию в Борисов. Но теперь волна восторга мировой буржуазии входит понемногу в берега. События отстаиваются, и подлинное их значение выступает наружу.

Что случилось? Кто потерпел поражение?

Когда мы настойчиво предлагали польскому правительству мир на самых выгодных для него условиях, тогда штаб западного фронта находился в Смоленске. Подошк был под огнем польской артиллерии. Фронт проходил между Борисовом и Оршей. Гомель был под угрозой, и польско-петлюровские войска находились на расстоянии нескольких переходов от Киева. Армия Пилсудского перешла в наступление и овладела Киевским районом. На этот ничем не вызванный наглый удар мы ответили контр-ударом. С несравненным подъемом наши красные войска очистили захваченные области Украины, освободили Белоруссию, Литву и глубоко врезались в Польшу. В своем пламенном порыве, вперед наши дивизии неизбежно растянулись, оторвались от тылов, ослабили аппарат связи и управления и тем самым стали более восприимчивыми к ударам врага. Натолкнувшись под Варшавой на сосредоточенные белопольские силы, красные войска отпрянули назад. Разумеется, это — крупная неудача, но такие неудачи неизбежны в большой военной кампании. Война происходит не по хронометру, где движение каждого ко-

лесика, каждой стрелки рассчитано по секундам. Война — ожесточенная борьба двух могущественных сил, неизбежно связанная с непоименностями, особенно наша маневренная революционная война.

Но каков общий итог предшествовавших операций? 1) Армии западного фронта прошли вперед от 500 до 600 верст и отступили и под контр-ударом на 200 верст. Таким образом мы в общем продвинулись вперед на 300—400 верст. Штаб западного фронта из Смоленска перешел в Минск, который еще не так давно был в руках польской шляхты. 2) Украина очищена, Литва самостоятельна, Белоруссия свободна. 3) Исчерпав свой заряд, белопольские войска остановились. Красные войска сосредоточились на новых позициях и восстановили свои аппараты в более крепком виде, чем когда бы то ни было. Старые кадры, закаленные в боях на всех фронтах Советской России, встряхнулись после временной неудачи и крепче сомкнули ряды. Свежие пополнения вливаются в старые дивизии широким потоком. Добровольцы, коммунисты, члены профессиональных союзов идут во главе новых пополнений, одухотворяя их стремлением к победе. Незначительные сравнительно потери материальной части возмещены с избытком. Перебои в снабжении, вызванные отступлением, ныне устранены. Питание армии с каждым днем идет правильное и полное. 4) Командиры, комиссары и красноармейцы ближе узнали врага и изучили путь на Варшаву. 5) Линия фронта проходит на 400 верст дальше от Москвы и на 400 верст ближе к Варшаве, чем проходила накануне польского наступления на Киев.

Таковы итоги, таков результат.

Мы нанесли шляхетской Польше могущественный удар, и мы чувствуем себя сейчас более, чем когда бы то ни было, способными нанести второй удар, более могущественный, чем первый. Мы сильнее, чем были, и мы усиливаемся с каждым часом. На всем фронте идет крепкая и дружная работа. Ни один час не должен быть потерян и не будет потерян. Западный фронт рылопит свой долг перед рабоче-крестьянской Россией.

Л. Троцкий.

КРАСНОАРМЕЕЦ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ И ПОЛИТИКИ

№ 27. Сентябрь. 1920 г.

На фронт.

Полно сомненьями печалить!..
Вспыхнувшим сердцем в борьбе не лгу:
Нам ли кричать о причале
К мертвому возвратному берегу?..

У сердца—звезда пятигранная,
Ноги в рыжеющих гетрах...
Не о нас ли буйными ураганами.
Пропели северные ветры?..

Знамя!.. Над боевой дорогой
Красной вестью вея!..
Мать!.. Не тумань тревогой
Сердце красноармейца!..

Знаем: пыткам и ранам
Борьба не ведет счет..
Бейте сбор в бой, барабаны!..
Н-а... пле-чо!..

С. Обрадович.

СОЮЗНИКИ КРАСНОЙ АРМИИ.

Война Советской России с белой Польшей расколола весь мир на два лагеря. В одном лагере оказались капиталисты, военные поставщики, помещики, генералы и министры всех европейских стран. Все они прямо или косвенно, открыто или тайно, оружием или дипломатическими нотами поддерживали панскую Польшу. Англия предъявила нам требование пойти на мир с Польшей, Франция удвоила свою помощь

снаряжением и офицерами армиям пана Пилсудского и признала смехотворное правительство Врангеля, Венгрия предложила панам 150.000 человек на помощь, Румыния, Италия, Чехословакия и друг. страны держались более осторожно, потому что знали, что связываться с Красной армией—вещь довольно небезопасная.

В другом лагере оказались трудящиеся. Мы писали уже в одном из прошлых номеров

«Красноармейца» о том, как рабочие, в особенности моряки и железнодорожники Италии, Англии, Швеции, Чехо-Словакии, Германии и ряда других стран решили не допускать подвоза амуниции польским белогвардейцам. В целом ряде городов, на пристанях и жел.-дор. станциях была остановлена погрузка материалов для врагов Советской России. Но, конечно, все эти действия были разрозненны, и хотя рабочим удалось принудить правительства этих стран не идти прямым походом на нашу Советскую Республику, все же они не могли помешать тайной отправке военных материалов и разным лицемерным выступлениям буржуазных министров Антанты в защиту Польши, разгромленной неудержимым натиском Красной армии. Но жизнь учит, и рабочие переходят к все более организованному и решительному способу воздействия на своих коронованных и некоронованных повелителей.

Когда английское правительство выступило в защиту изрядно потрепанной панской Польши, и послало нам требование принять его посредничество для заключения мира с Польшей, грозя нам вооруженным выступлением, английские рабочие ответили правительству грозным криком «Не позволим!». По всей Англии прокатилась волна демонстраций и митингов протеста. Английская газета «Народ» пишет по этому поводу: «Поразительный и совершенно неожиданный протест рабочих против новой войны является наиболее значительным событием в после-военной истории. Даже наиболее умеренные лидеры тред-юнионов заявляют, что, если бы они хотели, то не могли бы противостоять мощному движению, одновременно подымаемому во всех частях Англии. Соединенная конференция, на которой было решено применить, в крайнем случае, политику забастовок, представляла, по меньшей мере, шесть с половиной миллионов рабочих».

Члены английской рабочей делегации, едлившей в Россию, выпустили манифест под заглавием: «Руки прочь от Советской России», в котором говорят: «Мы посетили Россию и вынесли глубокое убеждение, что никакое парламентское воздействие не в состоянии заставить правительство отказаться от политики удушения Советской России. Если бы этой стране не суждено было с первых же дней ее революции вести борьбу с целым миром врагов, она была бы самой образцовой страной. Впечатления, которые мы вынесли из России, убеждают нас в том, что Россия хочет мира, но не мира, продиктованного Антантой или ее безгласной слугой Польшей... Мы призываем

потому вождей тред-юнионов всеми средствами проводить в жизнь принцип прямого действия, как единственного средства вывести мир из того тупика, в который загнала нас политика Черчилля, Головина, Пилеудского и прочих врагов пролетариата».

Но самое главное, все рабочие организации Англии, политические, профессиональные и просветительные образовали во всех главных городах «Советы Действия» с «Главным Советом» в Лондоне. Эти советы постановили бороться всеми находящимися в руках рабочих средствами против новой попытки удушения Советской Республики. Не доверяя лживым уверениям Ллойд-Джорджа, они постановили не прекращать своей деятельности до тех пор, пока Англия не подпишет прочного мира с Россией и не признает Советское правительство. В одном из своих воззваний Совет Действия выражает уверенность в необходимости немедленно приступить к мирным переговорам между Великобританией и Россией, немедленно же прекратить всякую поддержку Польши и отозвать все британские военные корабли из русских вод. Воззвание подписано Брэммеем, Миддлтоном и Линдсеем. Кроме того, в отчете о своей деятельности Совет Действия призывает все местные советы продолжать энергичную организационную работу для того, чтобы организованные рабочие были готовы ко всяким случайностям.

Для обуздания же воинственных стремлений французского правительства английские «Советы Действия» послали двух своих членов в Париж, чтобы установить общую линию поведения с французскими рабочими организациями.

Французское правительство выслало английских делегатов из Франции. Французские рабочие ответили на это насилье резким протестом. Состоялось заседание Всеобщей Конференции Труда при участии представителей партии социалистов, которое уполномочило одного из своих членов отправиться 18 августа в Амстердам для руководства там организацией международного «комитета действия». На собрании был выработан манифест, который содержит в себе следующие пункты: 1) протест против незаконной высылки английской делегации; 2) протест против оказания помощи Врангелю; 3) обзор внешней политики по отношению к России; 4) заявление о независимости народов и о праве их свободно избирать свое правительство; 5) призыв к французским рабочим — не оказывать поддержки в мероприятиях, ведущих к войне.

Манифест возымел свое действие. В настоящее время в целом ряде французских портовых городов портовые рабочие, докеры и матросы повсюду отказываются нагружать корабли амундичей для Польши. Крейсера «Гедон» и «Марсельеза», недавно вышедшие из Шербурга, равно как и правительственный пароход «Луара», были нагружены с помощью военных моряков. Эти три судна идут в Данциг. На французские снарядные заводы командированы польские офицеры для наблюдения за производством военного материала, предназначенного для ведения войны против России. По этому поводу парижскими рабочими издан манифест, в котором трудящиеся призывают отказаться работать вместе с душителями русской революции. С подобным же призывом «Юманите» обращается к рабочим арсенала в Ла-Рошелли, где под наблюдением польских офицеров производится 20.000 винтовок для польской армии.

Не отстают от рабочих Франции и Италии и рабочие Германии. Во многих случаях они идут даже впереди их. Они упорно не хотят пропускать снаряжения в Польшу. В Эрфурте они взорвали маршрутный поезд со снаряжением для польских белогвардейцев. В портовом городе Киле они установили с этой целью контроль над всеми проходящими судами с военными грузами. В городе Данциге, где скопилось все транспорты союзников, рабочие не дают разгружать снарядов и саботируют работу Антанты. Мало того, на улице они напали на польский конвой и освободили 63 пленных красноармейцев. Как и везде, рабочие Германии чувствуют потребность от разрозненных действий перейти к планомерной, организованной борьбе. Теперь рабочие Германии твердо решили создать по всей стране сеть политических революционных Рабочих Советов. Во главе этой работы стоит Германская Коммунистическая партия, которая идет нога в ногу с русскими большевиками и нашей Советской Республикой. Но самые интересные события развертываются теперь в Италии. Там рабочие настроены так революционно, что правительство не смеет даже высказаться открыто против Советской России. А сами рабочие решили пойти по стопам русского пролетариата и взять в свои руки управление производством. Началось дело так. Рабочие объявили забастовку, требуя улучшения своего экономического положения. Хозяева ответили локаутом, то-есть приступили к массовому расчету рабочих. Последние стали захватывать в свои руки фабрики и заводы. Вот что сообщают по этому поводу газеты:

200 заводов в руках рабочих.

«Журнал де-Деба» от 2 сентября сообщает о событиях в Италии следующее:

Экономический конфликт между промышленниками и рабочими металлистами, который тянется продолжительное время, принял весьма серьезный оборот. Около 200 заводов в Милане и окрестностях находятся в руках рабочих, которые подняли на них красные флаги. Рабочие Турина последовали примеру миланских товарищей. Правительство находится в тяжелом положении, не может изгнать рабочих из предприятий, но употребляет все усилия, чтобы возобновить переговоры между ними и предпринимателями. Министр труда принял делегацию рабочих металлистов из Милана. Переговоры идут усиленным темпом. Со своей стороны, владельцы 289 занятых рабочих заводов собрались в Милане. Они не дали печати никаких сообщений о своих решениях и намерениях.

На металлургических заводах.

Из Рима телеграфируют от 8 сентября: На металлургических заводах продолжается коммунистическое производство. Федерация итальянских рабочих металлистов организованы центральный и провинциальные технические комитеты по организации промышленности. Предприниматели продолжают занимать непримиримую позицию и требуют, чтобы правительство отказалось от своей нейтральной позиции и тщетных попыток к примирению. По соглашению между центральным комитетом социалистической партии и всеобщей конфедерацией труда, вышущено заявление, в котором говорится, что если предприниматели не уступят в самый короткий срок требованиям рабочих, то весь пролетариат начнет борьбу за окончательную социализацию всех видов производства.

Захват резиновых фабрик.

По сообщению из Милана, конференция представителей рабочих металлистов не привела ни к каким результатам. В Милане рабочими захвачены все резиновые фабрики, в том числе завод Пирелли, на котором около 310.000 человек.

Портовые рабочие в Генуе захватили пароход «Родосто», стоявший в порту под царским флагом и грузившийся для Врангеля.

Накануне гражданской войны.

По сообщению из Милана, последние надежды на разрешение конфликта между рабо-

бочими металлстами и работодателями в настоящее время исчезла, и кризис принял крайне серьезный характер. Работодателями опубликовано воззвание, в котором они объясняют, почему они не могут выполнить требования рабочих и резко критикуют пассивное отношение правительства.

Рабочие вожди заявляют, что забастовка перешла с экономической почвы на политическую и предоставляют руководство и ответственность за нее социалистическим депутатам. Трудно предусмотреть, что будет завтра. Если председатель совета министров Джюлигитти и воздержался от вмешательства, когда борьба происходила в одной отрасли промышленности, то кажется маловероятным, что он отступит перед общим политическим движением. В таком случае в Италии неминуемо вспыхнет гражданская война.

Вся Европа накануне Октябрьских дней. Готовится мировая схватка труда и капитала. Россия положила начало этой борьбе. Советская Республика стала передовым отрядом рабочего класса всего мира. Мы выдерживаем сейчас самые тяжелые бои. Но на помощь нам идут огромные резервы, и их могучей силой не остановят никакие ухищрения Ллойд-Джорджей и Мильеранов. С полной уверенностью в поддержке рабочих и крестьян всего мира, с ясным сознанием своей мировой роли, с твердой решимостью окончательно разгромить обветшалое здание капитализма—идет в бой Красная армия. Она сломит панов и Врангеля, а по ту сторону фронта она встретит идущую к ней навстречу волну революции с Запада, волну, которая сметет всю грязь старого строя и расчистит почву для свободной, счастливой всемирной Республики Труда.

Семен Гарин.

Молодежь.

Мы молоды и радостью пьяны,
Любовью необъятною богаты.
От берега унылой тишины
Мы ринулись, свободны и сильны,
Туда, где реют грозных бурь раскаты.

Мы любим мир и, жизнь благословив,
Людей вовем на праздник небывалый.
Где все сердца сроднит один порыв
Где будет свет по-новому красив,
Где отдохнет борец душой усталой.

На праздник толп мы толпами идем
Восторженны, отзывчивы и юны.
И пусть гремит за громом буйный гром.
Мы знаем: за заветным рубежом
Нам прозвучат иных восторгов струны.

Шаги тверды. На лицах—солнца мед.
В глазах горит уверенность стальная.
В сердцах—огонь восторженных забот
И в каждом слове радостно поет
Свой дивный гимн свобода зарева.

Шумит, шумит великий ледоход!
Звенят весны серебряные крылья!
Отвергли мы печали темный гнет
Нас юности корабль вперед несет
От берега страданья и бессилья.

Сменили правдой мы больную ложь.
Горим мечтой прекрасной и единой.
Боязнь темной и угрюмой дрожь
Чужда борцам. И к свету молодежь
Скользит могучей огненной лавиной!

Н. Колоколов.

Баба Лукерья.

Рассказ.

Спит баба Лукерья, спит-спит-спит. Видит баба Лукерья сон-сон-сон...

И быдто идет баба Лукерья к заутрене, по тропиночке зелененькой, между цветиками лавровыми, и таково-то у бабы Лукерьи на душе радостно—сладостно, словно изюмом обелася. И думает баба Лукерья:

— Уж ты, Господи, Господи, Никола Милостивый, Покров Богородицы, Рождество на курьих ножках, матери игумены, до чего на земле жить хорошо!..

Только одно бабе Лукерье в сомнение: встает солнце лучезарное, а не с того конца; бывало, выплывет из-за рошцы березовой, а садится в коровий пруд, а сегодня как на грех—вынырнуло из-за коровьего пруда, вообралось на небо пречистое и ну пошло катиться к роце березовой, ни дать ни взять, как красное колесо телеги немазаной: туда—сюда ковыльнет, сюда—туда пошелохнется.

— Ну,—думается Лукерьюшке,—теперь удивляться-то ничему не приходится. Захотели ироды-анафемы большевики, часы переставлявают; захотели, декрет издали, и ну солнышко по декрету вверх торманками разгудивать; захотели—на тринадцать дней месяц прибавили. И все-то они вперед норовят, все-то они гошь гонят, декретами подганивают!..

Шла впереди бабы Лукерьи свинья осьмипудовая, розоватая, с хвостом закорючкой, шла—в траве носом ковырялася. Загляделась Лукерья на свинью!..

— Э—эх, да кабы эту да кралю да продать в город. По тыще фунт, по сорок тысяч пуд, а уж сколько за всю кралю, иже еси на небеси звездочек, или иже еси в воде песчинок морских. Не счесть!..

Только хотела она свинью по окороку шпеньнуть, как вдруг отколе ни возьмись—Чорт. Ну, точь-в-точь, как на церковных папертях рисуют. На ногах—кожа, штаны—из кожи, на груди—кожа, на голове—кожа. Портфель кожаный, а не человек. А на кожаном окольше пятигранная звезда дьявольская, огнедышащая, красно-алая.

— Здравствуйте,—говорит,—Лукерья Савишна, не вчерашня—давишна. Ну, как мешочничаете—беспартотничаете?

— Мерси,—говорит,—вас... Прииторговываем, городского рабочего обворовываем, по-

тому как я вдова, жена мужика-кулака, а не какого-нибудь бедняка, ниже средняка стельного!..

— А чего бы вы возжелали, Лукерья Савишна?

— А чего мне пожелать, господин комиссар, или как вас там по изотчеству. Вот уж очень на железных дорогах донимать стали—ни тебе мучки не провезти, ни тебе крупки не сволочь. Стоят заградители, с револьверами, на нас, бедных кулацких вдов, напраслину наговаривают, быдто мы на рубль рубль наживаем, а мы всего на всего копейчку на копейчку!..

— Ох,—говорит Чорт,—могу я вам так удружить, что вы через любой заградительный отряд пройдете, любую кладь доvezете и без всякого заграждения.

— Это как?

— Ну, уж как так!—потом узнаете. Только с одним уговором: не пойдете вы сегодня к заутрене, а сядете на мою кожу и повезу я вам мир показывать!..

Задумалась баба Лукерья: уж больно слова-то заманчивы, уж больно прибыль-то основательна. Подумала, подумала.

— Что ж? Это не то же, что чорту душу заложить!.. Ладно,—говорит,—поедемте!..

И пошла пыль столбом. Только бабу Лукерью и видели: винтом-винтом в небо витит, солнце настывает, глаза ослепляет, под ложечкой тошненько!..

— Ай, ты, Чорт, комиссар мой кожаный, дай хоть за хвост подержаться-то!..

А тот летит, витит, пыль столбом, Лукерья винтом, а трава-то малюсенькая, а церковка-то крошечная, а свинья-то восьмипудовая не больше наперсточка.

— Никакого хвоста ноне по декрету не полагается. У нас в профессиональном союзе все хвосты на солныку пошли. Держись за кокардочку пятигранную!..

Едет баба Лукерья вверх—вверх—вверх. Визжит баба Лукерья:—Ой—ой—ой!..

* * *

Долго ли, коротко ли, видно—умаялся Чорт, кричит:

— Видишь тучу? Вот на ней привал и сделаем!..

Вознес он бабу Лукерью на тучу синюю—синюю, мокрую—мокрую.

Сели. Сидит баба, отдышаться не может. А он ей:

— Эй, тетка Лукерья, вынь из хвоста перья. Подмочишь.

Оглянулась, а у ней самые настоящие перья, что у буржуйских барынь на шляпах.

— Смотри,—говорит,—тетенька: на хвосте страуса, на юбке—канаус. Прилетели мы в американскую страну, по прозвищу Америка. И вот тебе в руки труба позорная: одним глазом смотри, другим глазом примаргивай: то-то у тебя в уме произойдет просветление...

Взяла баба Лукерья трубу позорную, глядит на землю: фу, ты, земли никакой—одни камни, и все такие аккуратненькие, ровненькие, применные, словно их языком облизывали. А над камнями тыми возвышаются дома—словно коробки—широкые, длинные, высоченные—такие дома, что на каждом доме облако застревает, птица не долетает.

А превыше всех домов, всех облаков тянутся в небо трубы фабричные—красные, из кирпичей сложенные, такие свет—трубы, что чуть-чуть солнышко их боком не задевает, и то потому, что норовит обойти деликатно.

И на тех камнях-протувах, и в тех домах-громадах, и под тем солнцем деликатненьким копошатся люди, все такие образованные—при галстуках, в штанах и при цепочках, и ни один из носа выверта не делает, а вытянет платочек чистенький, подставит к носу, фигли—мигли произнесет, нос утрет и даже тебе не плюнется, не выругается. Не по-нашему.

И вдруг слышит баба Лукерья глас вопиющий:

— Днесь будет тебе откровение...

— А откуда же сей глас вопиющий, как бы протодьякон плюющий эктенью закатывает, большевиков на тот свет отчитывает?..

И говорит ей Чорт:

— Баба ты, баба, баба Лукерья, в хвосте у тебя перья, на юбке—канаус, а в голове—пустыня и хаос. Есть у тебя труба позорная, ну и гляди на позор всемирного изделия...

И точно: встала глаз в позорную дырку, и видит баба Лукерья, как на самой высочайшей трубе фабричной торчит Рыло.

— Рыло ты, Рыло, и как тебя разнесло—разворотило?.. И куда тебя загромодило? Рыло, ты Рыло. На самую трубу высочайшую, которой свет луна зубы ковыряет, когда в них пыль земная попадает...

А Рыло себе сидит, надето на ней шляпане шляпа, картуз не картуз, а как будто ядро поганое, куда помон спивают, тольк

шворот-навыворот, а на ветре этом по-красному полю да красные звезды...

Сидит себе Рыло в трубе, подпершись на локоточек, зубочисткой в ухе ковыряет, на солнышко глаза таращит, зубами подсолнушки лущит и все глазами—то вверх на солнышко, то вниз на людей в штанах и при цепочках...

Увидало Рыло бабу Лукерью, да как возговорит голосом человеческим:

— Здравствуйте, грыт, баба Лукерья. Здравствуйте. Jes!

— Какой дес?!

А Чорт и поправляет:

— Не скандалься—это у них такое положенно—к каждому слову Jes прибавлять. И ты тоже...

— Ну, пес с ими. Ес так ес...

— Как, мадам Лукерья, поживаете, как денежки наживаете?

— Ес... ес как ес...

— Jes...

Ну, jes за jes, разговорились. И оказывается, что это Рыло—не просто рыло, а самый главный, что ни на есть богатеющий миллиардер-буржуй, который и светом управляет, и корабля по морю синему гоняет, и аэропланы по ветру запускает, и на дно земное опускается—золотом пробавляется, и железные дороги делает, и матерью красную кумачевую выделяет,—словом, вет той мануфактуры, которой он не занимался бы... И думает Лукерья:

— Так вот тебя, Рыло, отчего разворотило?!

Помолчала, подумала, да и спрашивает:

— А скажите, ваше благородие, а почему у вас на земле такое копошение? Чего ради для ваши люди внизу образованные копошатся?..

— Ох, баба Лукерья,—отвечает ей Рыло,—по вашему вопросу видать, что вы без всякого внушения... Вот возьмите эту самую трубочку—мелкофон называется, к уху наставьте да и прислушайтесь, что там творится...

Взяла баба Лукерья мелкофон, да и спрашивает:

— А ен не выстрелить?

— Будьте спокойны...

Повертела она трубочку, понюхала, языком полизала, на ошупь попробовала—ничего особенного, и спрашивает:

— А скажите, ваше благородие, на какой предмет вы в трубу влезли и зубочисткой в ухе ковыряете?..

— Да вы,—говорит,—только послушайте...

Прислушала баба Лукерья трубку к уху, к трубке руку, к руке локоток, к локотку

бочек, к бочку другую рученьку, слушает. Слушает баба шум—шум—шум. Идет по земле стон—стон—стон...

Катится по земле слеза великая, чистая, жемчужная слеза—слеза материнская.

— Теку я, слеза, чистая, жемчужная, из глаз матерей, из очей натруженных, наплаканных. Скопились слезышки в ручеек, из ручейка в реченьку, из реченьки в море глубокое, затопили слезы материнские землю черную. И плачут матери по сыновьям, по дочерям. Сыны бедные на фабриках замучены, искалечены, изувечены. Дочери бедные замучены, истерзаны, проданы, пропиты, проедены на улицах... Сами матери—голодешеньки, холодешеньки... И шлет меня, слезу жемчужную, чистую, злой человек, злой вапшир, что всем светом владеет, корабли по морям гоняет, аэропланы по ветры пускает, железные паровозы твоят, нас, бедноту рабочую, измором берет...

Катится по земле капля красная, густая, кровавая капля великая. А за той каплей еще катится великая соленая капля пота трудового тяжелого. А за теми каплями опять слеза великая, жемчужная...

И отовсюду жалобы разносятся, отовсюду проклятиями стон стоит, надрывается.

— Слушаете, баба Лукерья?

— Слушаю. Уж таково-то жалостливо...

— Ну, а теперь послушайте...

Рев ревет, земля дрожит, машина стучит, человека заглушает, пот выжимает.

Море человеческое, черное, землистое...

А поверх моря, словно моряк с кораблекрушения, на бочке пустой человек среди волн человеческой, среди голов рабочих подымается и криком-кричит.

— Прекрасная страна Россия, тебе привет шлет твой товарищ верный, Америки рабочий. Он—с тобой. К тебе протягиваются наши руки, к тебе все помыслы мы направляем. Держись еще, крепись... В борьбе за коммунизм, за жизнь прекрасную, за новую и радостную жизнь стоит весь мир твоих друзей-рабочих... Еще немного. Еще одно усилие... Мы сквернем его, как мерзкую болячку...

— Кого это «его», ваше благородие?—спрашивает баба Лукерья.

А Рыло было да спыло, по плешку в трубу спряталось, носа не кажет,—как будто его вовсе и не бывало...

Наставила баба Лукерья трубу и слышит новые голоса.

Визжат болты стальные, ворочаются корабли серые, развеваются флаги пшомемные, а на пристани морской, возле берега, стоит толпа громадная, словно туча комариная.

А недалеко, по улицам припрятаны, стоят конные стражники, ружья наготове, сабли наголо...

И слышен голос—зычный да властный, бойкий да наглый:

— Поймите, рабочие, что вы сами осуждаете себя на смерть и на голод. Говорю вам—идите грузить корабль. Вы отказываетесь грузить потому, что думаете, что в этих ящиках лежат снаряды, что мы собираемся их пустить в дело против рабочих, которые встали против своих хозяев. Какая чепуха!... Не верьте...

И вдруг другой голос, еще более зычный да звонкий, еще более сильный да властный, как закричит:

— Не верьте ему. Он лжет. Нас заставляют грузить снаряды и бомбы против наших друзей—русских рабочих, русских красноармейцев, против всех тех, кто встал под красным знаменем. Мы не будем грузить. Ни один не станет. Пусть голод, пусть смерть. Но подождите—в борьбе за коммунизм мы не отстаем от наших заморских друзей.

Загудела толпа... взревела, чуть приказчика, велешего грузить, не разорвала, только не растерялся старший приказчик, кричит:

— Давайте любой ящик... Несите ко мне!..

Поднеси ему ящик, какой попался на глаза...

— Смотрите!..

Схватил приказчик молоток, да как ударит—стенки в щепки, а он запустил руку в ящик, да оттуда и вытаскивает... шоколад да конфетки...

— Вот они, ваши снаряды...

Толпа шарахнулась в сторону, да как на рабочего, зычным голосом кричавшего, заводят...

А старший приказчик в другой раз:

— Может-быть, не верите, так давайте еще ящик ко мне!

Прикатили ящик издали. Он опять молотком по нему, опять шоколадки вытаскивает, языком облизывается...

— Вкусно...

Смотрит баба Лукерья, а Рыло поганое опять из-за трубы вылезло, сидит, улыбается, зубочисткой в ухековыряет от удовольствия.

— Сейчас,—говорит,—дураки с молодцом разденаются... Соврал завтра, соврал нынче, и вот тебе суд Линча...

Видит баба Лукерья, как на земле поднялись кулаки против рабочего, за Россию говорящего.

А рабочий не дурак. Взлетел превыше всех ящиков, с молотком в руке, да и кричат:

— Ты нам фокусы показываешь?!

Да как хватит молотком по ящику, да как вытянет из правой стороны коробку с шоколадом, а из левой—бомбу завернутую, ну, ни дать ни взять коробка шоколадная... Спряталось Рыло поганое опять в трубу и даже своего еса не пикнуло, а по земле музыка стелется, «Интернационал» наигрывает.

— Ну, и Рыло, и чего же это ты там наворогило?

Даже баба Лукерья и та выругалась. Глядит вниз, глаз отвести не может, а тем мигом Рыло конным стражникам комплимент сделало, те налетели, поверглись, да вдруг и сшились.

— Товарищи,—кричат,—мы к вам на помощь. Шоколад в рот, а бомбу в Рыло, чтобы его совсем развортило...

И началась потеха: конфеты в рот летят, а бомбы до тучи дошвыряют...

— Ну, баба Лукерья, подбирай перья. Покатимся...

И не успела она очухаться, как пошла пыль столбом, Чорт винтом, солнце настагает, под ложечкой колики начинаются, словно баба Лукерья в корсете три ночи оттанцовывала. А труба-то малюсенькая, а домишки-то небо-скребы—кросачные, в роде спичечных коробочек, на бочек поставленных.

Летит баба Лукерья вверх-вверх-вверх. Держит баба Лукерья себя за хвост-хвост-хвост...

* * *

— И чего это быдто жарным гусем запахнуло?—спрашивает Лукерья Саввиша.

— А это,—говорит Чорт,—мы на землю опускаемся. Прилетели,—говорит,—мы в страну иноземную, придется нам с тобою костюм менять...

Опустились они на трубе дымовой. А кругом—ночь, огни горят туманные, электрические—и таково-то светло, как будто в ночь пред светлой заутреней.

— Это мы где же?

— На крыше дворца Букингемского. И придется тебе, бабе Лукерье, образ свой человеческий менять...

— Да ни за что! Это грех, великий грех...

— А ты, тетенька, грех-то в орах, а орех-то в рот, вот тебя на том свете и помилуют. Ты у меня много не разговаривай. И сделаешься ты у меня блохой...

— Чтобы я, да кулацкая вдова, да тебе в блоху превращалась? Да у меня дома капиталы по бутылкам припрятаны, да у меня купецкий сын

в кумовьях значится, да у моей бабушки генералова прачка сватьей была. Да чтоб я тебе в блоху! Никогда...

— Ничего,—говорит Чорт,—и блоха не плоха: все черненькие, все прыгают...

И не успела она креста на себя положить, как видит себя—брюнетка-брюнеткой, с пузиком, задние ножки длинные, передние покорооче, да такая зубастая, так и норовит Чорта куснуть. Да тот не будь дураком и говорит:

— Я, тетенька, сейчас сам блохой сделаюсь, только, как и полагается мне, блохой мужского рода. Вы—блоха, а я блошинный муж. Смотрите, тетенька, как бы чего не вышло. Воздерживайтесь...

И спустились они по трубе дымовой в залу, где сидят министры да правители, все с бумагами, с очками, с портфелями. А рядом с ними—то же самое Рыло американское.

Прыг-прыг, скок-скок, забралась баба Лукерья к самому Рылу жирному, к самому высокому—кровь с молоком, вагруски с брусьями. А тот сидит, речь держит...

— На основании всего вышесказанного, принимая во внимание все вышесказанное, я полагаю, что власть большевиков следует не... не...

А Лукерье-блохе больно министерская спина понравилась, да как куснет, инда у премьера искра сквозь фрак прошла... Все на него глядят, в рот смотрят: жут, что скажет, а он ерзает на стуле, а почесаться неприлично...

А Лукерья все дальше да дальше, ищет место новое...

— Я,—говорит министр,—на основании всего сказанного полагаю, что мы должны России голодом заморить... Но... но...

Лукерья опять—хруст да около жилетного гармана, у министра даже очки засверкали, а почесаться нельзя—из залы выведут...

А он опять свое:

— Рабочего надо задуть, мужика извести... Но так как...

А Лукерья свое: кусает, место выбирает: пусть, дескать, господин министр соблюдает приличие—оно мне вольготнее.

И до того министра доконала, что тот рот открывает, а слов не произносит, потому как больно блоха русская кусливая. Так и не поняли министры другие, чего хочет первый министр: того ли, чтобы социализм уничтожить, того ли, чтобы социализм насадить.

Дали слово министру другому—посухопаристее. Тот и завел свое:

— Так как ни то, ни это, ни того, ни этого, ни чорта, ни бога, ни креста, ни погребеня, то давайте сами не воевать. а б...

вокруг социализма да коммунизма мятеж поднимать. Зачем нам самим воевать? Давайте другие державы на коммунизм натравлять. Оно и выгоднее и лучше, а почему,—я вам докажу...

На ту пору баба-блоха скок-скок, прыг-прыг—да на министра посухопаристее и начала свою профессию показывать—в озорство вошла, и чешется, и колется, так и не доказал, почему все очень смеялись.

А Чорт—блосиный муж блоху Лукерью по всем министрам ищет, по всем телам шарит. Нашел, настал за занятием, да и говорит ей:

— Ну, и баба-блоха. Я тебя сюда только для развития... а ты из иностранных министров кровь высасываешь. Может международное положение осложниться...

Потащил он блоху вон, скок-скок, прыг-прыг да по трубе на крышу. Плюнул-дунул, опять баба Лукерья бабой, взвинтил, понес...

* * *

И носил Чорт бабу Лукерью по странам, городам, селам и весям. Затаскал, замытарил...

Пролетали они над странами разными, и везде баба видела одно и то же представление: стон стоит, земля дрожит, а Рыло на трубе фабричной ухмыляется.

Только в одном месте баба Лукерья взвывла.

— И чего это ты воешь, и чего это ты причитаешь?

— А глянь-ка вниз: люди-то все голые, черные. И как им не совестно...

— Африканские колонии. А потому им и не совестно, что они все черные. А посмотри, что с ними Рыло выделывает...

И видит Лукерья—тянут черные люди тачки да цепи, цепи да тачки, грузят, работают, золото собирают, Рылу отдают. Еще пуще взвывла баба.

— И неужто с этим Рылом проклятым не справиться?

— Справимся, тетенька. Справимся, Лукерьюшка...

— А когда же мы справимся?

— А тогда, тетенька, а тогда, Лукерьюшка когда все мы, дяденьки, когда все вы, тетеньки, во всех странах, на всех землях, и черные, и белые, супротив Рыла пойдем, когда перестанем мы бояться да чураться. Рыло для того и существует, чтобы его своротить.

— И своротим?

— Своротим.

Задумалась Лукерья. И сколько они ни летали, сколько раз это Рыло ни встречали, все оно с Лукерьей как с маркизой раскланивается и шапочку наотлет, наотлет, дескать, с бонжурником.

— А все это потому, тетенька, что ты с Рылом одним делом занимаешься..

— Как так? Да чтоб я... да чтоб у меня...

— А все вы приторговываете, городского пролетария обворовываете. Эй, держитесь крепче... Спускаемся...

* * *

Лежит земля ровная-чистая, тропинки зелененькие, цветочки лазоревые. А кругом работа идет: в одном месте трудовая армия мосты строит, дороги кладет, в другом—Красная армия полки посылает, помещиков и панов разбивает.

И ни на одной трубе, ни в одном окошечке Рыла не видеть.

— А и где же это у нас Рыло?

— А и это Рыло бревном придавило...

— А и как же мы без Рыла...

— Живем, ибо сильна у нас жила.. Смотри, что будет, когда Рыла нигде не будет.

И показал он ей рай, да такой, что у ней инда голова закружилась, да как о косяк печной хватится, так и пробудилась.

— Здравствуйте! С добрым утречком. Утречко начинается всесветное, огневое, заревое. А как день придет, весь мир про нас вспоманет:

«Зачинатели всесветные».

Н. Н. Фалгва.

Война с паном и бароном.

Мир на штыце.

На западном фронте после целого ряда больших побед нас постигла неудача. Польские паны, отброшенные Красной армией от Киева, Полоцка и Борисова в пределы коренной Польши, отступая, стянули со всего фронта к Варшаве крупные военные силы, подвели резервы и оттеснили наши войска.

Нам пришлось отступить от Варшавы в момент, когда падение ее казалось неизбежным. Наша конница была уже почти под стенами польской столицы.

Польское правительство уже собирало свои пожитки и готовилось бежать в Познань. Дипломаты Антанты советовали ему как можно скорее с нами помириться. Они знали, что если падет Варшава, вся Польша станет советской страной. Тогда рухнет барьер, отделяющий красную Россию от Германии. А там, судя по тем вестям, которые доходят до нас, буржуазно-соглашательское правительство давно уже стоит на пороховом погребке. И, может быть, достаточно будет русскому пролетарию поднести свой факел к границе Германии, чтобы немецкие буржуи взлетели на воздух. А тогда продай миллиардная контрибуция и все грабительские условия версальского мира. И тогда уже на их пороге станет красный прирак коммунизма.

Знали все это хорошо дипломаты Антанты, а потому и говорили панам: мирнитесь, пока не поздно.

И польское правительство послало своих делегатов в Минск для переговоров о мире. Но в это время поправились военные дела польской шляхты. И что же, куда девалось их миролюбие. Они вилляют и затягивают мирные переговоры. Они заговорили с нами языком победителей. Их аппетиты растут, и они уже снова начинают подумывать о границах 1772 г.

А дипломаты Антанты? В этот момент они показали нам ясно, что идею мира с Советской Россией можно вбить им в головы только красноармейским кулаком.

Как только узнали они о нашей неудаче под Варшавой, так сейчас же и заговорили о том, что наших мирных условий Польша не должна принимать, что наше Советское правительство они не признают и сами мириться и торговать с нами не будут. Английские буржуи начали даже угрожать нам войной, а французские признали официально правительство крымского черносотенца Врангеля за настоящее правительство России и стали открыто оказывать ему поддержку.

Еще раз (а в которой — нам уже и считать надоело) Антанта приготовилась похоронить с честью Советскую Россию.

Но ошибутся и на этот раз наши враги. Если паны не примут честного мира, который предлагает ему Советское правительство, у Красной армии хватит сил, у Советской Республики хватит резервов, чтобы справиться с белой Польшей.

Паны это знают.

Они уже в тревоге. Они видят, что наша сила не сломлена, они чувствуют на своих боках, как она растет с каждым днем. Они ждут нашего нового удара и уже колеблются, уже готовы снова закурить с нами трубку мира. Товарищи, мы должны развязать панам языки. Наше дело штыком и прикладом вышибить из панского горла застрявшее там слово «мир». Соберем же свои силы, сомкнем свои ряды для последнего хорошего удара.

Паны хотят разговаривать с нами о мире, не прекращая разговора пушек.

Пусть же наши пушки загорят громче, чем панские.

Будем помнить, что каждый наш шаг вперед — шаг к миру.

Ни шагу же назад!

Штыком — в море!

На южном фронте Врангель все еще продолжает нам грозить. В последнее время он снова предпринял наступление. Он рвется на Украину и пытается соединиться с белыми папанами.

Французское правительство, признавшее Врангеля правителем России, помогает ему; оно формирует за границей отряды белогвардейцев и перевозит их в Крым, оно доставляет барону свои танки, пушки и пулеметы.

Крымская революция живуча, как гад. Не раз уже Красная армия наступала гадине на хвост. Но пока цела голова, гадина будет кусаться.

Пора разбить ей голову. Пора кончать. Время идет к зиме, до зимы мы должны очистить всю нашу страну от белогвардейской нечисти.

Польскому пану мы должны штыком прописать мир, а крымского барона штыком сбросить в море.

На юг, к морю, в штыки!

Н. Надеждин.

**ДЕРЕВНЯ ГОРОДУ — ХЛЕБ
ГОРОДУ ДЕРЕВНЕ — ПЛАТ.**

Неделя крестьянина.

Октябрьская революция дала крестьянам землю, освободила их от ярма помещика, от тяжелых налогов, от беспросветной кабальной жизни. Но за свою землю и за свою свободу пришлось рабочим и крестьянам долго биться с врагами — помещиками и капиталистами.

Уже до октября 1917 г. наша страна была разорена и истощена войной с Германией. Борьба с белогвардейцами, которые три года нападали на нас, разорила и истощила ее еще больше. Железные дороги разрушались, и некогда было их восстанавливать, фабрики останавливались, и нечем было их пускать в ход, поля пустовали и некому было их засеивать.

Много людей ушло из городов и деревень на войну, много скота и хлеба пришлось отдать деревне нашей армии и рабочим в городах, которые должны были не покладая рук работать для того, чтобы вооружить и снабдить нашу армию всем необходимым.

Война рабочих и крестьян с помещиками и капиталистами не кончилась еще и до сих пор. Не кончилась еще и великая нужда го...

дервни. Рабочие голодают потому, что нехватает хлеба, а крестьяне часто по целым месяцам не видят соли, сахару, керосину и терпят большой недостаток в мануфактуре, железных изделиях и разных других продуктах.

Мы знаем, что всему этому виною война, что когда кончится она, и вернется домой Красная армия, — заработают наши фабрики, наладятся железные дороги и пойдет хлеб из деревни в города, а из города в деревню и штец, и железо, и сахар, и соль, и все, что нужно крестьянину.

Мы знаем, что не по вине рабочих терпит теперь нужду крестьянство.

Но не всякий крестьянин это знает. И кажется многим темным крестьянам, что город сейчас обижает деревню.

Нужно ли рабочему обижать крестьянина? Рабочий такой же трудовой человек, как и крестьянин, трудом рук своих он живет и всегда готов он с крестьянином честно плодами своего труда обменяться. Но что же делать рабочему, когда все запасы тонизи...

пожрала война, а для того, чтобы заготовить новые запасы, нужно время. Ведь без хлеба он работать не может. Не будет хлеба в городах, станут фабрики, а тогда скоро и в деревне все прахом пойдет: ни плугов, ни кос, ни борон, ни обуви, ни соли—ничего не будет.

Как же тут быть?

Ясно: в это тяжелое время нужно рабочему и крестьянину в тесную дружбу войти и помочь друг другу: во-первых, навалиться вместе всею силой на последних своих врагов и войну разом покончить, а во-вторых, поделиться честно своими излишками и не считаться тем, кто сегодня больше дает. Сегодня у тебя есть лишний хлеб—отдай, завтра у меня будет лишней ситце, соль, железо—я тебе отдам: в обиде никто из нас не будет.

Такой дружный союз между городом и деревней и налаживается у нас чем дальше, тем больше.

Когда жали нас враги со всех сторон, и не было у нас ни донецкого угля, ни уральского железа, ни бакинской нефти, ни туркестанского хлопка, деревня городу помогала хлебом, а город деревне мало чем мог помочь. Теперь же (хоть и не кончилась еще совсем война), когда Красная армия освободила все эти местности, богатые топливом, металлами и всяким сырьем, стал уже и город не малую помощь оказывать деревне.

Недавно Коммунистическая партия объявила по всей Советской России «неделю крестьянина». Неделя крестьянина это и значит помощь города деревне. В чем же состояла эта помощь?

Во-первых, из городов в деревни было отправлено много разных материалов, орудий и предметов, необходимых для крестьянства: железо, гвозди, проволока, кожи, косы, серпы, бороны, плуги, жнейки, лопаты, дуги, подковы, керосин, соль, сахар, белое, посуда разная, мыло, спички, бумага и пр. Во-вторых, почти все фабрики в городах работали в эту неделю на деревню: изготавливали разные предметы деревенского обихода, чинили с.-хоз. орудия и т. д. В-третьих, целые отряды и артели рабочих были отправлены по деревням, чтобы на местах чинить крестьянскую утварь и производить разные другие работы.

Так, по одной Московской губ. было отправлено 511 починочных кузнечных, слесарных,

сапожных, шорных и др. мастерских. Сформирован был отряд в 500 человек для ремонта мельниц и другие отряды для осушения болот, починки мостов, дорог, постройки зданий, проводки электричества в крестьянские избы.

В первую голову помощь оказывалась семьям красноармейцев и беднейшим крестьянам.

По другим губерниям тоже было сделано не мало.

Так, в Казанской губернии исправлено около 100 мостов и около 200 мельниц, для уборки урожая пущено в работу около 6000 уборочных машин и произведено много работ по починке крестьянского инвентаря, рытью канав, распилке бревен и пр.

В Петроградской губернии по одному Ямбургскому уезду исправлено мостов 31, построено новых 14, исправлено дорог $36\frac{1}{2}$ верст, исправлено около 20 построек; для семей красноармейцев скошено 235 десятин, убрано сена около 20.000 пуд., вывезено ржи 9.200 снопов, удобрения — 150 возов, заборонено 40 дес., обмолочено ржи 21 дес., скошено ржи около 60 д., запахано озими около 90 дес.

В работах принимало участие около 10 т. человек.

Такие же сведения идут из Гамбовской, Рязанской, Орловской, Иваново-Вознесенской, Калужской, Симбирской, Владимирской и др. губерний.

Всюду крестьянство осталось очень довольно помощью, оказанной ему городскими рабочими. Крестьянство видит теперь, что слово рабочего твердо и дело его крепко и многие из тех темных крестьян, которые раньше на рабочих как на врагов своих смотрели, теперь прозрели и поняли, что только в самом тесном и дружном союзе рабочего с крестьянином, города с деревней залог победы над голодом, над нуждой, над всей великой разрухой, которую оставили в наследство трудовому люду настоящие его враги—помещики и капиталисты.

Пусть же крепнет этот союз чем дальше, тем больше.

Пусть молот рабочего и серп крестьянина дружно воюют с голодом и разрухой. А вилтовка красноармейца пусть будет им верною и крепкою защитой.

Н. Горлов.

Береги оружие! Береги одежду и обувь!

4 Помни—последнее отдает тебе разоренная врагами страна.

Наше будущее.

(Декламация для эстрады рабочего и красноармейского клуба).

Паше будущее не снилось ни одному франту из тех, которые, выкрав у народа тысяч двести рублей, надушились сверх меры (даже в чулки налили) духами, выжатыми из нервов и мускулов индуса, вчера повешенного

Англичанами в золотой Индии Будущее, ради которого вчера целиком погибла Красная Рота,—это будущее даже и в намеках не снилось той барышне, которую я сейчас видел

на главной улице. Она была бесподобно глупа, бесподобно раздета, или, как это принято говорить, стильно одета.

Она была изящно воспитана и говорила о самых умных вещах, принятых в порядочном обществе,— о том, что завтра Иван Иванович обещал ей поднести букет из астр, а вчера негодная Мимишка,— ждас!—запачкала хвост о сапог красноармейца...

Наше будущее даже и в полнамека не снилось тому толстому обрубку, который третьего дня сел барана, а сейчас сидит у окна

своего кабинета за бутылкой вытасченного из помойной ямы ликера, куда припрятал его от большевиков

Толстяк пьет уже седьмую рюмку и бормочет, сладострастно обсасывая ус:—пора бы этих проклятых коммунистов убраться к чертовой матери! Надоели!

Наше будущее никогда не приснится и тому мешанину с Московской улицы, который вчера вечером ходил ко всеобщей, а сегодня после обеда, сев протг

с какой-то дрянью, пнул ногой нищего-бездельника, просившего у него на хлеб, пнул и сказал:—ступай к комиссарам! Они тебя во как накормят, сыт будешь вот до сих пор!.. Большевику, который полюбил горячо

бедный пролетариат и поэтому сует нож в руки французскому банкиру (под шумок, конечно, чтобы не видели),— этому большевику также никогда не приснится будущее нашей победы.

Наше будущее... Это—солнце, рассыпавшееся на миллиард горячих, сверкающих искр, залетевших в наши сердца!

Все мы будем—дети солнца, каждый из нас будет носить в сердце пламя, и блеск, и трепет Великого Светила! Наше будущее—это огромный

стол, длинной через весь земной шар, уставленный всеми подарками земли, вспаханной трудовой рукой Всемирного Рабочего! Все садитесь за пир!

Никто с нас не возьмет платы! Нет больше хозяев!

Нет помещиков! Нет фабрикантов! Нет солдат! Нет больше крови на полях! На земле царствует Труд! Он нас пригласил на этот пир, вседневный,

никогда не прекращающийся в сердце пир! Пируйте все! Пейте солнечное вино в честь победы Третьего Интернационала! Ликуйте вместе с птицами, зверями и облаками!

Разве может не радоваться сердце, когда мы победили? Когда ни в одном уголке земли не слышно больше проклятий, стонов и криков бешенства

из-за куска хлеба! Когда все сыты, обуты и
у всех
на душе — свет, ясность и жар небесного
Света!

Оркестры! Сколько вас? Десять тысяч? Гряньте
все сразу Интернационал! Ударьте звуками
в спящее небо, чтобы оно могло вместе с нами
слыть великую песню победителей золота и
киута!

Разве приснятся все это нищим-богачам,
Собирающим копейки на наем палача,
чтобы убить Красную Армию, борющуюся за
коммунизм!

Эй, вы, судорожно закрывающие форточки
ваших нор,
чтобы не ворвался в них ураган грядущей
Революции

мира! Разве вам приснятся наш всемирный
праздник
Труда, Свободы и Науки? Вам, которым снится

лишь
керенки, Врагель да свободная торговля!
Товарищи! Вместе ли мы все сейчас? На-
пряжен ли
стол для пира трудящихся? Все ли пахнут

черную,
жирную, как масло, землю? Все ли вытягивают
из чрева машин красный ситен? Все ли шлют
по беспроволочному телеграфу привет братской
Коммунистической Республике Марса? Нет!

Много еще бездельников! Много еще сосущих
нервы и мускулы
трудового народа! Много еще цсов, веде-
лившихся

в молодое, упругое, здоровое, розовое тело
социалистической
Республики! Не слышно еще из Америки
Интернационала!

Еще вешают пролетариев в Австралии, в Индии
в Египте!

Еще гноятся спина негров от ударов
бичей эксплуататора! Еще гниет в тюрьмах
Запада

цвет пролетарской мысли! Еще
попы создают в церковь и от-
равляют народы ядом загробной
жизни!

Еще торгуют любовью жирные банкиры!
Еще в Париже топят в каналах рабочих!
Товарищи! Не складывайте оружия у ног
ваших палачей!

Победы нет еще, она впереди, она придет
после,

когда мы, натрянув дружно на черную стаю,
размахнемся красным мечом над всем миром,
чтобы снести голову мошенникам и вора
нашей свободы, нашего труда, нашей земли
и машин.

Разве вы хотите совсем уйти из этого зала,
сверкающего
электричеством, — опять в дымные лагуны
навстречу
чахотке, кашлю с кровью и свисту поли-
цейского?

Разве вам надоел десятиэтажный дом, кото-
рый мы
вырвали из когтей мпроеда? Разве вы согла-
ситесь

опять завтра пахать землю под свист плети
сорокапудового помещика? Разве вам приятно
завтра в 4 часа утра итти на смену и за 9 рублей
в месяц жариться в паровой бане и ругаться
с табельщиком?

Разве вы хотите, чтобы ваших детей директор
гимназии
выгнал в три шея из приемной? Разве вам
приятно,

вместо праздника 1 мая, с красными знаменами,
с цветами, с песнями и с неслыханной ра-
достью в груди, итти
за попом, который налит переднему уряднику?

Разве 1 мая хуже праздника Введения?
Товарищи! Мы не выпустим из своих рук
дорогих винтовок! Попрежнему дружно, как
стая

хороших собак, будут лаять наши пулеметы!
Вперед!

За красный Интернационал! Вперед — победа,
счастье, наука, пламень и радость свободы!

Вперед, пролетарий
завтрашний хозяин Красной
Земли и Красного Солнца!

Н. Рязанов.

По хуторам и станицам.

В древних коричневых берегах—Дон. За Доном ширь, степные, зеленые просторы. На взгорьях хутора и станицы. И над всем хрустала синего неба.

Еще так недавно играла, буйствовала здесь белая нежить, пьяное было гульбище. Нынче ушло все, сгинуло, и словно никогда и не было зной этой океанной силы.

Ярко рдяны в знойном солнце маки флагов на Исполкомах станичных,—видать их далеко каждому, куда ни повернись.

Ждали здесь, на Дону, красных как чудо.

— Измутились уж очень,—говорил мне старый рыбак. Лицо корявое, в морщинах все. Ноги в портках, засученных выше колен, темно коричневеют. В бездне речной, мутной и зыбкой, грузно сидят сети.

— Всех коней позабирали, почитай. Скотину последнюю. Остались в чем есть.

Подумав немного, дед обронил раздумчиво:

— За важную провинность порка. Уж нагтерпелись. Да.

Глядит старый рыбак перед собой на сеть: тяжелее она, рыба идет в нее шибко-шибко.

Льется ровная, гуськая медь голоса старческого. А Дон, знай, катит несвеселые свои воды,—то в сверкающем серебре они, то в прозрачной тени сией.

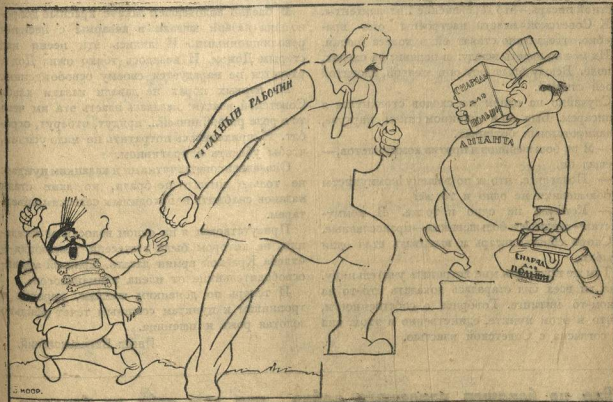
У бабы с прилаженной вывеской: «Глубокинский Станичный Исполком» шумно: идут выборы председателя. Пунцовеют в солнце лампы казацкие, алы бабы платки. И в кулачном этом огне сереет скромно холст домотканых рубах мужицких.

— Выбирайте Лободу,—кричит высокий хохот с одним глазом, хитро подмигивающим кому-то.—Выбирайте Лободу.

— Я за Синицына: хорош человек,—тнеет нарастаев засаленная рыска.

Из-под шляпы соломенной дыконские космы, цвета лняной соломы, болтаются смешно. Как

ПРАВО РЕВОЛЮЦИИ.

Антанта. По какому праву ты препятствуешь мне снабжать Польшу снарядами? Западный рабочий. Я тебе сейчас покажу, по какому праву.

Лобода, так и Синицын едва ли ведомы станичникам.

Такова предвыборная агитация. Подавляющее большинство получает некий Иван Никитич. Иван Никитич этот был старостой при Деникине, а в 1919 году председательствовал в Исполкоме при красных. Иван Никитич добросовестно служит всякой власти. В лице его строгая тупость, нечто держимордовское.

— Любит закон и порядок,—говорят про него на хуторе.

Кулаки,—которых здесь на хуторе живет много, довольны, с выборами Ивана Никитича в станицу вошли закон и порядок,—порядок кулаков.

В станицах Лихая, Аксайская случайно затерявшимися в донецких степях партийными работниками были устроены митинги, собравшие большие массы населения. Результаты оказались блестящими. В председатели прошли трудовые казаки—надежные, испытанные коммунисты. Еще не ведае, однако, выборы кончились. Во многих хуторах и станицах они еще не начинались вовсе. Сюда теперь направляются литература и агитаторы.

Поп, учитель, какой-нибудь бывший волостной писарь—это деревенские интеллигенты.

К Советской власти настроены они враждебно, где можно ставят ей в колеса палки.

Их можно видеть всюду: в церкви, на сходах, в поле. Всюду брызгают они желтой, ядовитой своей слюной.

Случайно на одном из сходов столкнулся я с писарем. Был он в суконном синем картузе, в лакированных ботинках.

— Я за большевиков и против коммунистов,—трещал он.

— Позвольте, что ж по-вашему коммунисты и большевики не одно и то же?

— Конечно не одно и то же. В коммунистах—жиды, а в большевиках—православные.

Скоро сбился писарь и вызывать стал одни улыбки.

Там же пришлось мне встретить учительницу. Она из всех сил старалась доказать что-то на каком-то митинге. Говорила о собственности, и что в этом пункте, единственно в этом, она не согласна с Советской властью.

Длинные, бестолковые ее тирады успеха не имели. Закричали даже!

— Долой ее, долой!

Краснела, бледнела учительница и испарилась скоро.

Несмотря на то, что старики казаки настроены оппозиционно к пролетарской революции,—молодое казачество в массе своей приняло ее. Оно поняло, что власть Советская—это кровная, близкая, родная их власть. Много казаков сражается беззаветно и храбро в красных рядах. Много идут добровольно на красные фронты.

Врезалась навсегда мне в память картина у сборного пункта в станице Каменской.

Утро. У сборного пункта много казаков. На лицах бодрость. Шутки сыплются немолчно по адресу Деникина и атаманов-казацках.

— Петлю на казаков надел Деникин, а затянул ее на своей шее.

— Намазал пятки салом. Геперича на аглицких хлебах жиреет

— Черед за баронами.

— Дадим и им перцу понюхать.

Густо облепили плакаты на заборах; изображены на плакатах вампиры трудящихся Добровольцев казаков в тот день записалось до трехсот.

В бледно золотевшем закате красные добровольцы казаки шагали в казармы с песнями революционными. И лились эти песни над старым Доном. И казалась точно ожил Дон и радуется не нарадуется своему освобождению.

На первых порах не давали казаки хлеба Советской власти: казалась власть эта им чуждо в роде разбойничьей... придут, отберут, ограбят. И приходилось потратить не мало усилий, чтобы убедить в противном.

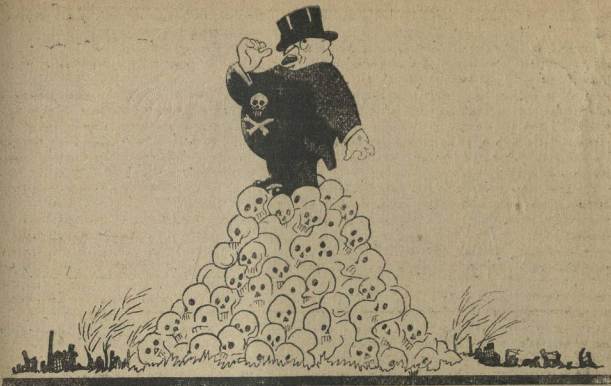
Оказались советы чуткими к казачьим нуждам: не только ничего не брали, но даже стали казаков снабжать необходимым сельским инвентарем.

Присутствовал я на одном волостном заседании, на котором была вынесена резолюция—«хлеба Красной армии давать. Красной армии—освободительнице от плена атаманского».

И теперь по донецким шляхам, дорогам и тропинкам к пунктам сыпным течет обильно золотая рожь и пшеница.

Павел Васильювский.

Кто не бережет народного добра—тот сам себя не бережет.

Виновник мировой бойни — господин капитал.

Боевой приказ.

Сегодня Мировая Революция дала нам

Боевой приказ:

— По барону, помещикам панам—

Враз!

Ре-Се-Фе-Се-Ре задушить бы,—

Мечтает мировая Сводня.

К последней решительной битве

Будь готов сегодня.

По трупам ядовитых гадин—

Пробить в Коммуну дверь!

Знай: наш враг беспощаден—

Зверь.

Чтоб врасплох захватить, говорит о мире.

Эй, товарищ,—не верь!

Поддашься,—придавит стопудовой гирей

Беспощадный классовый зверь.

Барон и пан—«их» последний отгрызок.

Знай:

Близок, близок, близок

Обетованный край.

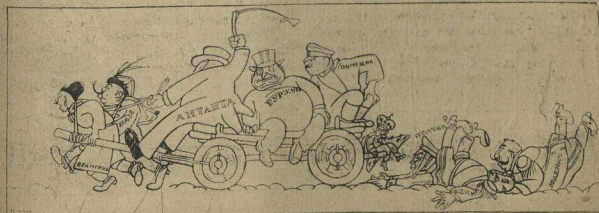
Но сегодня сурова пред нами

Жизнь без всяких прикрас.

Выше, товарищ, винтовку и знамя!

Помни боевой приказ.

А. Дорогойченко.

Тройку загнали — пара не вывезет.

Подарки Красной Армии рабочим и крестьянам.

Красноармеец: — Вот вам, товарищи, три гостини!

Красноармеец: — Вот вам еще трощку...

Рабочий и крестьянин: — А теперь, ты види красноармеец, подари нам еще в му у пана и Врангеля, и мы скажем тебе братское спасибо!